

**БУРДАКОВА Ольга Николаевна / BURDAKOVA Olga**

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu  
Эстония, Нарва / Estonia, Narva  
[Olga.Burdakova@ut.ee](mailto:Olga.Burdakova@ut.ee)

**НЫММ Елена Юрьевна / NÕMM Jelena**

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu  
Эстония, Нарва / Estonia, Narva  
[Jelena.Nomm@ut.ee](mailto:Jelena.Nomm@ut.ee)

## **ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

### **COMPOSING LOCAL TEXT DICTIONARIES OF THE CITIES OF THE POST-SOVIET CULTURAL SPACE**

**Abstract:** The article attempts to comprehend the tradition of anthropological studying of the local text and composing local text dictionaries of the cities of the post-Soviet cultural space. The tradition itself developed at the turn of the 20th and 21st centuries. This young research tradition is analysed on the basis of materials of the two local text dictionaries: the dictionary of Omsk, a Russian regional centre, and the dictionary of provincial Ukrainian town Mogilev-Podolsky. A project of the local text dictionary of Narva, an Estonian city located on the border between Russia and the European Union, is presented.

**Ключевые слова / Keywords:** Локальный текст, провинциальный город, постсоветское культурное пространство, словарь локального текста, Нарва / Local text, provincial town, post-Soviet cultural space, local text dictionary, Narva.

Зародившаяся на рубеже XX—XXI вв. антропологическая традиция изучения локальных текстов малых городов на территории постсоветского пространства и опыт составления словарей локальных текстов этих городов нуждаются в осмыслении, которое позволит наметить перспективы развития этих междисциплинарных исследований городского пространства.

#### ***1. Понятие о локальном тексте города***

Традиция изучения локальных текстов провинциальных городов на территории, наследовавшей многие культурные практики советского прошлого, своими корнями уходит, с одной стороны, в литературоведческие и семиотические штудии городского текста, которые были предприняты учёными тартуско-московской семиотической школы во второй половине XX в.<sup>1</sup> А через изучение и конструирование «петербургского

---

<sup>1</sup> См. об этом: *Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 179—208; *Ахметова М. В., Лурье М. Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm> (17.10.2017).

текста» в работах В. Н. Топорова и других авторов этого структуралистского направления<sup>2</sup>, конечно, просвечивала и традиция краеведческого изучения истории и мифологии Санкт-Петербурга в трудах А. Н. Анциферова 1920-х гг.<sup>3</sup> С другой стороны, антропологическая школа изучения локальных текстов постсоветских городов испытала влияние со стороны исследований городского пространства в социологии города в XX в. (К. Линч, П. Бурдьё и др.)<sup>4</sup>.

Термин «локальный текст», который был взят на вооружение антропологами, носит условный характер и возник, по-видимому, как компромиссное решение исследовательских проблем. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина дают следующее определение «локальному тексту»: это «система устойчивых предметных позиций, стереотипных суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише и т. п., которые имеют хождение в местной культурной традиции и посредством которых сообщество, ассоциирующее себя с данным местом, выстраивает образ этого места, характеризует его по временным, пространственным, социокультурным и аксиологическим параметрам»<sup>5</sup>.

Во-первых, очевидно, что термин «локальный текст» является наследником «городского текста», поскольку и тот и другой описывают реконструируемый усилиями исследователей культурный феномен. Объект и того и другого лежит прежде всего в городской культуре и является результатом освоения людьми городского пространства. Хотя в этом отношении понятие «локальный текст» несколько шире и может включать в себя не только городскую реальность, но и сельскую<sup>6</sup>.

---

<sup>2</sup> См.: Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Его же*. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259—367; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. С. 30—45 (Труды по знаковым системам: Семиотика города и городской культуры. Т. 18); Минц З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм // *Её же*. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 103—115; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 129—135 и др.

<sup>3</sup> Подробнее об этом см.: *Nõmm J., Burdakova O.* Materials for the “Dictionary of the Local Text of Narva City” (в печати).

<sup>4</sup> См. классические работы этого направления в переводе на русский язык: Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982; Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

<sup>5</sup> Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции... С. 179.

<sup>6</sup> Впрочем, здесь у антропологов нет единого мнения. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина принципиально исключают сельский субстрат из штудий по локальному тексту (см.: Там же. С. 180). Другие исследователи, например Б. Коуп, принимая участие в дискуссии на страницах журнала «Антропологический форум», намечают перспективы изучения города и села «в рамках единой динамики» [см. его ответы на вопросы редколлегии: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 87. URL: [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12\\_forum.pdf](http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf) (18.10.2017)].

Во-вторых, локального теста как текста, имеющего начало и конец, не существует, термин «текст» по отношению к умозрительному комплексу представлений горожан о городе используется весьма условно. Реконструируемый исследователем локальный текст характеризуется:

- подвижностью<sup>7</sup> во времени (передается от поколения к поколению не в полном объеме, дополняется новой информацией);
- многослойностью, неоднородностью — содержит ядро и периферию, на которой находятся «подтексты», или «субтексты», имеющие хождение среди представителей разных социальных, профессиональных сообществ и возрастных групп;
- дискретностью<sup>8</sup>, поскольку не существует как связный текст, а бытует как набор хранящихся в памяти горожанина речевых формул, стереотипов, сюжетов, образов и т. д., по случаю извлекаемых из памяти.

Очевидно, что далеко не все элементы локального текста связаны системными отношениями, что в свою очередь порождает определённые проблемы в реконструкции и описании локального текста.

Описывая локальный текст в его синхронном срезе, мы можем предположить, что он содержит в себе ядро (центральное поле) и множество микрополей, т. е. имеет многополярную структуру. Ядро состоит из константных элементов (устойчивых на протяжении жизни не одного поколения горожан) и элементов, которые попадают в состав ядра и становятся общим знанием о городе под влиянием сегодняшнего дня. Каждое из микрополей складывается из стереотипных образов и сюжетов, актуальных для определённой группы горожан. Границы микрополей проницаемы, фрагменты субкультурных текстов могут проникать в общегородской текст, образуя ближайшую периферию ядерного текста.

В диахроническом аспекте локальный текст динамичен: с одной стороны, часть элементов ядра может утрачивать свою актуальность для горожан, с другой стороны, отдельные элементы из ближайшей периферии могут становиться константами (см. рисунок). Закрепление каких-то фрагментов локального текста в письменной традиции способствует сохранению и актуализации его в городской памяти.

Термин «локальный текст» нашел своё применение и в трудах последователей тартуско-московской традиции изучения городского текста. Например, исследовательская группа ученых из Горно-Алтайского государственного университета

---

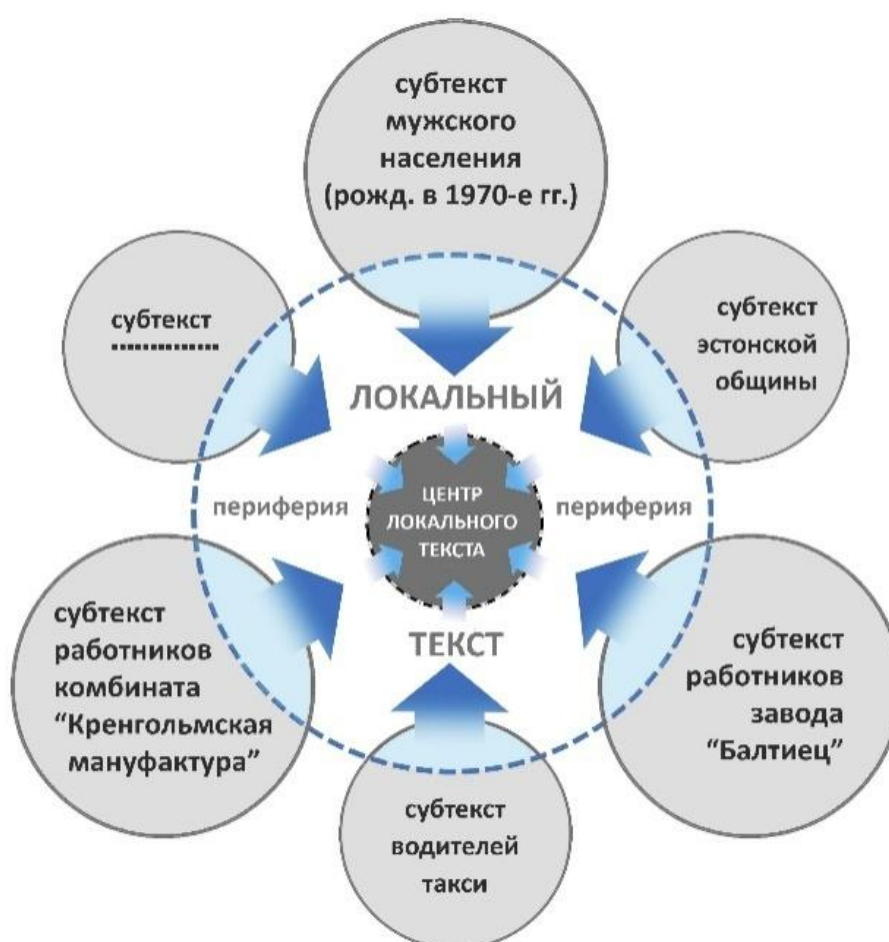
<sup>7</sup> См.: *Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 420. URL: [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08\\_12\\_alekseevsky\\_et\\_al\\_k.pdf](http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf) (17.10.2017).

<sup>8</sup> Там же.

позиционирует себя как исследователей локального текста<sup>9</sup>. В то же время материалы этих публикаций вписываются в литературоведческую, а не в антропологическую традицию изучения городского текста. По-видимому, выбор в качестве ключевого термина «локальный текст» вводит оппозицию *столичный* — *провинциальный* текст, ставшую актуальной в городской культурологии на рубеже XX—XXI вв.<sup>10</sup>

Рис.

Модель локального текста на примере города Нарвы (гипотеза)  
(рисунок выполнил Глеб Нечволодов)



<sup>9</sup> См.: Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 9—12 сентября 2014 г. / под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2014; Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26—29 сентября 2016 г. / под ред. П. В. Алексеева: в 2-х т. Горно-Алтайск, 2016.

<sup>10</sup> См.: *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. URL: [http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga\\_1.pdf](http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf) (8.12.2017); *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты* / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М., 2004; *Пространственность развития и метафизика Саратова* / под ред. Т. П. Фокиной. Саратов, 2001 и др. Сюда же будет относиться и сравнительно поздняя по времени попытка кодификации концептов провинциального мира в словаре «Русская провинция»: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2012. № 2. С. 42—60.

## 2. Словарь как форма представления локального текста

Результаты далеко не всех антропологических экспедиций и исследований провинциальных городов постсоветского пространства нашли отражение в словарной форме, которая признается наиболее соответствующей самой идее локального текста. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье и А. Сенькина пишут, что «наиболее адекватной и, по-видимому, оптимальной формой научного описания» локального текста, учитывая все особенности его бытования, является словарь<sup>11</sup>.

Нам известны две попытки создания словарей локальных текстов постсоветских городов: крупного российского областного центра Омска и небольшого украинского провинциального города — районного центра Могилёва-Подольского, который расположен на границе с Молдавией<sup>12</sup>. Эти попытки примечательны тем, что описывают локальные тексты разных по своему значению и территориальному расположению в пределах государства провинциальных городов. С другой стороны, что особенно важно в свете размышлений над методологическими вопросами составления подобного рода энциклопедий, словари локальных текстов Омска и Могилёва-Подольского вскрывают разные возможности в изучении и реконструкции локального текста, а также в способах его презентации читателям научно-популярного издания. Рассмотрим каждый из отмеченных словарей в отдельности.

Первая попытка составления словаря локального текста принадлежит омским исследователям Е. Груздову и А. Свешникову, которые в 2005 г. для проведения конкурса молодых художников подготовили и издали «Словарь мифологии Омска». По замыслу его авторов, словарь должен был послужить импульсом к созданию художниками своих конкурсных работ. Будучи омицами (носителями коллективных представлений), основываясь на своем знании локального текста и используя приём «самоописания» (или «самозаписи»),

<sup>11</sup> См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 420.

<sup>12</sup> См.: Словарь мифологии Омска: открытая группа // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/club16422680> (18.10.2017); Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции...; Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского; Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилёве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 275—312. URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11\\_06\\_alekseevsky\\_lurie\\_senkina.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf) (18.10.2017); Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилёве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста (окончание) // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 375—420. URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12\\_alekseevsky\\_lurie\\_senkina.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12_alekseevsky_lurie_senkina.pdf) (18.10.2017).

авторы словаря создали модель омской мифологии, а затем явили эту модель в словарных статьях. Сами авторы понимали слабые стороны такого подхода к материалу, признавая, что субъективность, «провокативность» (стремление «вызывать у читателя желание не согласиться, поспорить, предложить свое видение “мифа” или “новый миф”»<sup>13</sup>) и «любопытность» были основными принципами составления словаря, и они сознательно работали на «границе „научность — литературность“», «играли в жанр словаря»<sup>14</sup>, выступая порой в роли не только собирателей, но и создателей мифов.

Продуктивным для развития традиции словарей локального текста, на наш взгляд, следует признать (при всех отмеченных выше спорных моментах) принцип, положенный в основу отбора материала для словаря, — бытование городского мифа вокруг какого-то объекта или события. Этот принцип отличал омское издание от традиционных краеведческих словарей-энциклопедий и исторических справочников. В построении большинства словарных статей авторы отталкиваются от городского мифа: сначала знакомят читателя с мифом, сложившимся вокруг какого-то персонажа, события или города в целом, а затем дают исторический комментарий и вскрывают генезис этого мифа. Городской миф представлен в авторском пересказе; прямая речь горожан в словарных статьях не звучит, однако это не является показателем недостоверности передачи мифологии<sup>15</sup>.

В 2010 г. авторы вышедшего небольшим тиражом и обращённого к узкой аудитории (участникам конкурса) словаря попытались преодолеть субъективность первого издания, инициировав в социальной сети «ВКонтакте» открытую группу «Словарь мифологии Омска» и предложив омичам обсудить и дополнить статьи первого издания словаря<sup>16</sup>. Открытая группа в социальной сети стала новой формой ведения «полевой работы»: участники группы могут не только обсуждать готовые статьи, но и создавать собственные, размещать на доске объявлений ссылки на другие тематические публикации, аудио-, видео- и изобразительные тексты. Все названные выше публикации в группе

---

<sup>13</sup> Груздов Е., Свешников А. «Хождение в народ»—2: из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» // Новое литературное обозрение. М., 2005. № 74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/gr26.html> (18.10.2017).

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Неслучайно вышедшее позже дополненное интернет-издание словаря получило в комментариях к словарным статьям одобрение читателей-омичей.

<sup>16</sup> См.: Словарь мифологии Омска.



должны, по мысли Е. Груздова и А. Свешникова, стать материалом для второго переработанного издания словаря.

Вторая попытка создания словаря локального текста представлена на страницах журнала «Антропологический форум», в нескольких номерах которого опубликованы материалы к «Словарю локального текста Могилёва-Подольского». Исследователи под руководством М. Л. Лурье на основе полевых экспедиций 2007—2008 гг. в украинский провинциальный город Могилёв-Подольский выделили доминанты образа города, определили тематические разделы словника будущего словаря и представили образцы словарных статей из разных разделов словаря.

Опубликованные материалы «Словаря локального текста Могилёва-Подольского» дают основание вычленять два исследовательских подхода к анализу и представлению отдельных компонентов локального текста в этом словаре. Во-первых, большинство представленных вниманию читателей статей демонстрируют синхронный подход к осмыслению материала, а отсюда описательный модус его подачи в словаре. Составителей издания интересует синхронный срез самосознания горожан, актуальный момент существования локального текста (повествующего как о настоящем, так и прошлом города). В словарных статьях такого рода находим фиксацию стереотипных представлений горожан о месте своего проживания и актуальных для освоения этого пространства ориентирах, указанные стереотипы сложились к моменту начала изучения локального текста антропологами.

Во-вторых, из корпуса словарных материалов несколько выбивается статья, посвященная легенде о памятнике Гоголю, которая опубликована отдельно и, очевидно, не рассчитана на включение в таком виде в возможное издание словаря локального текста Могилёва-Подольского отдельной книжкой<sup>17</sup>. В этой статье, представляющей собой классический тип научной публикации, исследователи локального текста Могилёва-Подольского демонстрируют возможность иного — диахронического подхода к анализу материала: детально с использованием большого количества архивных источников отслеживаются время возникновения, этапы становления и трансформации локальной легенды (в том числе под влиянием

---

<sup>17</sup> Напомним, что словарь локального текста Могилёва-Подольского существует пока еще как исследовательский проект, эскиз возможного будущего издания словаря, отсюда и фрагментарность представленных на страницах научного журнала материалов словаря.

общекультурного фонда сюжетов); выясняется, что лежит в основе формирования этого нарратива; письменные варианты бытования легенды сопоставляются с устными, и вычленяется её инвариант.

Группа М. Л. Лурье сверхзадачу своей деятельности видит в создании отдельных словарей локальных текстов разных провинциальных городов, на основе которых можно будет перейти «к обобщениям более высокого порядка»<sup>18</sup>.

Таким образом, можно отметить, что омский проект и проект словаря Могилёва-Подольского противостоят друг другу как научно-популярное и научное издания<sup>19</sup>. Эти доминанты, сознательно выбранные составителями словарей, определили различие в способах сбора материала локального текста, в формах его описания и презентации читательской аудитории, а также в прагматике издания. Очевидно, что омский словарь нацелен на продуцирование локального текста и его изменение. Словарь локального текста Могилёва-Подольского стремится зафиксировать современное состояние локального текста горожан<sup>20</sup>. В этом отношении строгие научные рамки исследования не позволяют авторам-составителям словаря вмешиваться в процессы локальной идентичности, диктуют деликатное обращение с объектом исследования.

### **3. Проект словаря локального текста города Нарвы**

Под влиянием научного подхода и при непосредственном участии исследовательской группы М. Л. Лурье возникла идея составления словаря локального текста города Нарвы<sup>21</sup>. Сам замысел изучения нарвского текста и реконструкции городской мифологии появился у нас в 2009 г., однако реальным толчком для начала разработки словаря послужила полевая

---

<sup>18</sup> См.: *Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 420.

<sup>19</sup> Сама по себе идея словаря локального текста, конечно, вписывает такого рода словари-энциклопедии в разряд научно-популярных изданий, однако на выходе могут получаться как классические научные энциклопедии, так и действительно научно-популярные труды.

<sup>20</sup> Характерно, что указанный словарь существует только на страницах научного издания, привлекающего внимание прежде всего специалистов, а не широкий круг читателей. Этот проект, в отличие от омского, не стал достоянием горожан, не «пошёл в народ», если перефразировать использованное составителями омского словаря выражение.

<sup>21</sup> Выбор нарвского локального текста в качестве объекта реконструкции и описания интересен, помимо прочего, ещё тем, что даёт возможность исследователям сопоставить динамику формирования и характер бытования локальных текстов приграничных провинциальных городов постсоветского пространства. Как и Могилёв-Подольский, Нарва занимает приграничное положение, находясь на границе России и Эстонии, это тоже русскоязычный город, переживший все перипетии советского и постсоветского развития.



экспедиция 2011 г.<sup>22</sup>, которую проводил на базе Нарвского колледжа Тартуского университета Санкт-Петербургский государственный университет (возглавлял экспедицию М. Л. Лурье).

Картотеку «Словаря локального текста города Нарвы» составляют материалы, извлеченные из различных источников.

Основным источником словаря являются расшифровки записей интервью с жителями города (уроженцами и/или старожилами Нарвы). Первые записи (71 интервью) были сделаны в июле 2011 г. в рамках экспедиции, проводившейся по инициативе Санкт-Петербургского государственного университета. В 2014 г. записи интервью были возобновлены и продолжают проводиться сегодня усилиями сотрудников лектората русского языка и литературы Нарвского колледжа.

Дополнительными источниками словаря являются:

- ответы на вопросы масштабного анкетирования, проводимого для уточнения сведений интервью;
- собранный исследователями архив писем с жизнеописаниями и рассказами нарвитян;
- материалы (статьи, репортажи, отчеты, интервью, реклама и частные объявления) местных СМИ<sup>23</sup>: периодических печатных изданий («Нарвский рабочий», «Нарвская газета», «Нарва», «Город», «Виру Проспект»), теле- и радиозаписей канала «ЭТВ+» и Нарвской студии «Радио 4»;
- агитационные материалы предвыборной кампании в местные органы самоуправления;
- тексты разнообразных электронных (сетевых) жанров (веб-сайт, блог, доска объявлений);
- материалы путеводителей, краеведческой и исторической литературы;
- художественные тексты о Нарве, принадлежащие как «высокой», так и «низовой» (массовой) культуре;
- тексты социальной рекламы на городских улицах, вывески, таблички с названиями улиц, тексты на досках объявлений на разных языках и т. д. (объект исследования, который в социолингвистике традиционно

---

<sup>22</sup> Экспедиция проводилась в рамках Научной летней школы «Между Россией и Эстонией: граница, культура, люди (Ивангород — Нарва)» при поддержке фонда «Русский мир» (ходатайство № 2010/П-352). Руководитель Научной летней школы: М. Л. Лурье (Европейский университет, г. Санкт-Петербург).

<sup>23</sup> С целью реконструкции локального текста мы привлекаем и материалы республиканских СМИ, если они транслируют знания о локальном тексте (например, репортажи с места, интервью с нарвитянами и др.) или позволяют уточнить какие-то фактические данные.

используется для описания «языкового ландшафта» или представленности разных языков в городском пространстве, привлекается нами для реконструкции представлений горожан о своем городе).

Ограничение словника словаря ведется на основе анализа интервью с нарвитянами и отбора рассказов и речевых формул, которые можно признать «типовыми». Под «типовым» рассказом мы понимаем нарратив, который повторяется в интервью людей, не связанных родственными отношениями, и обладает устойчивым набором мотивов. «Речевой формулой» мы условно называем получившее распространение среди горожан, устойчивое в своем составе и воспроизводимое в речи в готовом виде высказывание об объекте локального текста.

Для вычленения из рассказов горожан о городе такого повторяющегося и актуального для большинства представителей городского сообщества знания необходимо сформировать репрезентативную выборку, которая соответствовала бы по своим характеристикам социальной стратификации городского населения. В этой выборке должны быть в пропорциональных долях представлены разные социальные группы нарвитян. Формирование такой выборки является актуальной задачей ближайшего этапа работы над словарем.

На данный момент в нашем банке данных имеется около 100 записей интервью, которые были собраны главным образом в ходе полевой работы на улицах города в течение нескольких дней. Состав информантов формировался по принципу случайной выборки, поскольку у любого горожанина был шанс попасть в их число.

#### ***4. Структура «Словаря локального текста города Нарвы» и типовой словарной статьи***

Словарь локального текста как форма его презентации должен находиться в соответствии с содержанием и структурой самого локального текста. Несмотря на аморфность и дискретность бытования локального текста в культурной памяти горожан, содержание его словаря усилиями исследователей может быть структурировано. Так, изучавшие локальный текст Могилёва-Подольского М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье и А. Сенькина условно разделяют словник словаря локального текста этого города на пять предметно-тематических категорий: символы идентичности, локусы и топонимы, события, лица, сообщества и институты<sup>24</sup>. В то же время

---

<sup>24</sup> См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 421.

составители словаря локального текста Могилёва-Подольского не предполагают вычленять эти предметно-тематические рубрики словарных статей в структуре самого словаря, планируя расположить статьи словника в алфавитном порядке<sup>25</sup>.

На данной стадии работы над «Словарем локального текста города Нарвы» мы можем говорить лишь о предварительном видении его содержания и структуры, поскольку собирание материала для словаря ещё продолжается. Исследование пока не полностью охватило все социальные группы и сообщества внутри городского населения; частично записан локальный текст русскоязычной общины горожан, вообще не реконструирован локальный текст эстонской городской общины.

Планируя структуру будущего издания, мы полагаем возможным опираться на тематический принцип в членении содержания словаря и предварительно разбить «Словарь локального текста города Нарвы» на пять тематических разделов, выделенных исследовательской группой М. Л. Лурье в словнике словаря локального текста Могилёва-Подольского.

В то же время, понимая ненадежность использования исключительно тематического критерия при структурировании словаря, мы думаем предварить материалы пяти словарных разделов статьёй, посвящённой вопросам идентичности нарвитянина. Такая статья позволит представить во взаимосвязи объекты и понятия из разных тематических рубрик. Наши предварительные наблюдения говорят о том, что эти разные объекты стали для большинства горожан знаковыми, порой несущими символическое значение, а соответственно, представляющими своего рода точки отсчёта для формирования городской идентичности. Мы можем предположить, что они функционируют в локальном тексте как элементы единой семиотической системы, вступающие в отношения противопоставления, корреляции или взаимозаменяемости. Эта статья об идентичности горожанина поможет читателю лучше сориентироваться в содержании разделов словаря.

Открывать словарь локального текста Нарвы будет раздел «Символы идентичности». В него войдёт материал, описывающий Нарву как город, который наделён определёнными устойчивыми признаками. В качестве таких признаков могут выступать знаковые для Нарвы традиционные мероприятия и праздники (Дни города с конкурсом «Сбежавшие невесты», празднование

---

<sup>25</sup> Там же. С. 420.

9 Мая и Байкерский фестиваль), материальные предметы, которые обросли в сознании нарвитян ментальными ассоциациями и прочно связаны с нарвским пространством (например, «серый паспорт»), прецедентные тексты, важные для самосознания нескольких поколений горожан (например, песня «Камушки», муз. А. Морозова, сл. М. Рябинина, исп. Л. Сенчина). Статьи раздела реконструируют комплекс стереотипных представлений о Нарве и её жителях, который сложился в сознании горожан. Например, статья «Репутация города» отражает общие представления горожан о достоинствах и недостатках города, сводимые к кратким речевым формулам в виде приписываемых Нарве предикатов («Нарва — промышленный город», «Нарва — русский город», «Нарва — большая деревня», «Нарва — приграничный город», «Нарва — 101-й километр»).

В раздел «События» будут включены статьи о событиях, имеющих знаковый характер для горожан. Содержание каждой статьи отражает осмысление горожанами реального исторического события, зафиксированного в коллективной памяти и породившего городскую мифологию. Далеко не все исторические события, имевшие значение для развития города, находят отражение в локальном тексте, что определяет довольно пёстрый состав статей этого раздела. В нём будут представлены статьи о событиях разного масштаба: «Бомбежка Нарвы в 1944 г.», «Восстановление независимости Эстонии в 1991 г.» и т. п., с одной стороны, и «Приезд Иоанна Кронштадтского в Нарву», «Съемки художественного фильма “Король Лир” в Нарве», «Закрытие Кренгольма», «“Бронзовая ночь“ на Петровской площади» и т. д. — с другой.

Раздел словаря «Лица» объединит рассказы нарвитян об исторических лицах, посещавших Нарву, уроженцах и жителях города, много сделавших для развития Нарвы или прославивших её, а также современниках с неоднозначной / многослойной репутацией (городские сумасшедшие, криминальные авторитеты).

Раздел «Сообщества и институты» будет включать статьи о различных формальных и неформальных объединениях людей на основании таких признаков, как возраст, профессиональная принадлежность, национальная культура, конфессия и др. Все описанные в разделе объединения в той или иной степени участвуют в порождении локального текста. Некоторые из представленных здесь организаций могут даже создавать символы городской

идентичности (например, Кренгольмский комбинат, Нарвские электростанции, завод «Балтиец»).

Раздел «Локусы и топонимы» будет реконструировать территориальное членение города Нарвы на вернакулярные (обладающие определённой репутацией) районы. Здесь будут описаны отдельные имеющие для горожан культурное, социальное и бытовое значение современные городские объекты (памятники, музеи, дома культуры, учебные заведения, кафе, бары, магазины и т. д.) и не существующие в современной Нарве, но сохранившиеся в памяти нарвитян объекты. Словарные статьи раздела представят как официальные, так и имеющие хождение среди горожан неофициальные названия городских объектов.

Словарная статья в «Словаре локального текста города Нарвы» построена как статья в словарях энциклопедического типа<sup>26</sup>. Начинается с заголовочного слова, в качестве которого выступает наиболее распространённое в городской среде наименование понятия, объекта, лица или события (в скобках даются другие официальные и неофициальные названия). За заголовочным словом следует короткая историческая справка. Затем представляются бытовавшие и имеющие хождение в современности устные «мифы», легенды, нарративы о соответствующих объектах описания. После изложения городской мифологии описывается значение этого объекта в жизни горожан (в их бытовой, праздничной культуре, в поддержании гражданской и городской идентичности). Статья содержит отсылки к имеющейся краеведческой традиции изучения объекта и даёт культурологический комментарий бытования объекта в локальном тексте. Статья дополнена иллюстративными материалами и библиографической справкой.

---

<sup>26</sup> В материалах к словарю локального текста Могилёва-Подольского исследователи описали структуру подобной словарной статьи, и наш вариант типовой статьи немногим от неё отличается. Ср.: «В рамках небольшой и, так сказать, “пилотной” публикации мы не будем подробно описывать разработанные схемы словарных статей, посвящённых различным категориям объектов, а ограничимся далёким от полноты общим перечнем основных позиций, которые считаем значимыми при описании элементов локального текста и которые по возможности должны найти отражение в структуре содержания словарной статьи. Эти позиции таковы: 1) варианты наименования объекта и их объяснений; 2) реальный (фактологический) комментарий; 3) принадлежность к сферам существования локального текста (спонтанная городская традиция, краеведческая традиция, официальная символика и мифология, субкультурная мифология и т. д.); 4) сюжеты, мотивы, представления, ритуальные практики, связанные с объектом, их версии и варианты; 5) формы и контексты репрезентации представления об объекте: устные рассказы, речевые формулы, граффити, неформальные обсуждения в сетевом пространстве, краеведческая литература, музейная экспозиция, текст экскурсии, мемуарная и художественная литература, местная периодика, буклеты и открытки, присвоение имени, мемориальные доски, памятники, стенды, речи на празднике День города, официальный сайт города и т. д.; 6) иконография объекта, отражение в ней его характеристик и значений» (Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции... С. 185—186).



**5. Образец статьи для «Словаря локального текста города Нарвы»**

**ТАНК (МЕМОРИАЛ «БОЕВОЙ ТАНК Т-34», ТАНК Т-34)** — памятник воинской славы на берегу реки Наровы на трассе Нарва — Нарва-Йыэсуу (см. фото 1).

**Фото 1**

Мемориал «Боевой танк Т-34» (автор фото — Г. Нечволодов)



Мемориал (включающий памятник и смотровую площадку) был открыт 9 мая 1970 г. в память о тяжёлых боях во время форсирования в феврале и июле 1944 г. советскими войсками под командованием генерала И. Федюнинского реки Наровы. Можно предположить, что идея увековечить место трагических событий возникла уже в 1948 г., когда один из участников боев командир роты танкового полка 8-го Эстонского стрелкового корпуса Т. Д. Белкин указал место гибели советских танкистов сотрудникам военкомата и городского музея (*Белкин 2012*). Открытие памятника было приурочено к празднованию 25-летия со Дня Победы советских войск во Второй мировой войне (*Кривошеев, Михайлов 1972: 105*).

Традиция установки танков-памятников в 1970—1980-е гг. приобрела на территории СССР массовый характер: они устанавливались как на местах реальных



военных действий, так и на «родине» танков, где производились легендарные боевые машины (Калита 2015).

На открытие мемориала «Боевой танк Т-34» на берегу реки Наровы пришли тысячи жителей города (Петров 1970: 3). Это событие освещается в местной прессе и становится темой любительской поэзии нарвитян. Уже в ней зарождается образ танка-стража, охраняющего мир на этой земле: «Пусть танк в карауле почетном стоит...», — пишет местная поэтесса О. Ходорченкова (Ходорченкова 1970: 1).

Открытие в 1970 г. памятника в Нарве мифологизируется: среди нарвитян бытует «миф» о том, что именно этот танк участвовал в освобождении города, был затоплен, поднят со дна реки и установлен в память о героических событиях. В основе этого «мифа» лежит реальная история, случившаяся 25 июля 1944 г. во время переправы через Нарову танкового полка 8-го Эстонского стрелкового корпуса. Т. Д. Белкин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как немецкий снаряд разрушил понтонный мост и танк Т-34 вместе с механиком-водителем Гемпелем ушел под воду. По свидетельствам того же Т. Д. Белкина, в 1970-е гг. спортсмены-любители обнаружили на дне реки башню танка. Однако предпринятая в 1983 г. поисковая экспедиция аквалангистов вместо танка нашла на дне реки самолет ИЛ-2. Затонувший танк с полным боекомплектом, по мнению Т. Д. Белкина, до сих пор находится на дне Наровы (Белкин 2012).

По-видимому, сведения о затопленном танке и попытки разыскать и поднять его со дна реки и порождают миф о памятнике-свидетеле исторических событий. Устойчивость этого мифа в городском сознании можно объяснить его правдоподобностью: среди многочисленных танков-памятников, установленных на территории бывшего Советского Союза и за его пределами, есть немало примеров реальных боевых машин, которые были затоплены в годы войны, подняты в мирное время и поставлены на постаменты (Калита 2015: 101).

В постсоветское время памятник «Танк Т-34» вызывает к жизни новый «миф»: рефлексии подвергается западное направление пушки танка. Ср. Инф.: *Я только знаю, что дуло у него смотрит на Таллинн. Соб: На Таллинн? И что это значит? Инф.: <Смеётся> Не знаю, просто когда-то вот Георгиевский-то вот этот праздник был, цветы туда носили, просто что люди обсуждали, что этот танк вот смотрит на Таллинн дулом. Это значит какой-то, может быть, даже намек... <Смеётся> (ЭН 14–01). Обсуждение горожанами направления танковой пушки находит отражение в местной прессе. См., например, замечание одного читателя «Нарвской газеты»: для части нарвитян «танк с пушкой на запад... — это уже и не памятники, а символы-*

возбудители, стимулирующие резкость слов политиков» (Бессонов 2010). Ориентация городских памятников в пространстве часто становится в «локальном тексте» основой для мифотворчества. «В. Ф. Лурье приводит распространенное представление о том, что после вхождения прибалтийских республик в состав СССР местные памятники были развернуты строго на восток, в сторону Москвы: “Если в монументе присутствовало тяжелое вооружение, то его, наоборот, от востока отворачивали” [Лурье 2003: 421]» (Алексеевский и др. 2010: 410).

В постсоветские годы «Танк Т-34» сохранил свое значение памятного объекта. К нему приезжают горожане в День Победы 9 мая возложить цветы и почтить память погибших воинов. Он по-прежнему признается горожанами культурным достоянием города, хранящим память о событиях Второй мировой войны, и пользуется особым вниманием нарвитян: любые действия вокруг памятника широко обсуждаются в городе.

Так, в 2007 г. и 2010 г. неизвестные окрасили колеса танка в серебристый цвет (Вандалы 2010). «Тюнинг» боевой машины неоднозначно расценивался горожанами: одни считали его актом вандализма (Вандалы 2010), другие — движением «в сторону вживления грозной боевой машины в текущую мирную и бескровную жизнь» (Бессонов 2010).

Сами нарвитяне считают своим долгом поддерживать памятник «Танк Т-34» в хорошем состоянии и берут на себя работу по его реставрации. В кон. Апреля — нач. мая 2014 г. по инициативе нарвитянина Сергея Лобина группа из 14 добровольцев при спонсорском участии местных фирм провела реставрацию памятника «Танк Т-34» (Неравнодушные 2014; Энтузиасты 2014). Факт реставрации стал предметом многочисленных обсуждений в сети Интернет и одобрительно оценивался блогерами (Знаменитый танк 2014; Монумент 2014; Неравнодушные 2014).

Вероятно, уже в нач. 1970-х гг. мемориал «Танк Т-34» становится «свадебной достопримечательностью», включается в нарвский свадебный маршрут (см. статью **Нарвский свадебный маршрут**).

Обычай посещать памятники воинской славы существовал в СССР и продолжает существовать на постсоветском пространстве. Становление традиции посещать во время свадебной прогулки военные памятники исследователи относят к 1960–1970-м гг. (Громов 2012; Ростовская 2012; Тимофеева 2004: 111). Одни авторы связывают этот обычай с внедрением традиции комсомольских свадеб (Тимофеева 2004: 106–107); по предположению других, памятники воинской славы попали в число объектов посещения свадебного поезда как заместители могилы погибших на войне родителей молодоженов: в кон. 1960-х гг. выросло первое поколение детей, родители которых

погибли во Второй мировой войне (Громов 2012). Однако, очевидно, не только это обстоятельство определило выбор мемориалов воинской славы в качестве свадебных достопримечательностей. Определённое воздействие оказала и идеология советской эпохи, а также городские формы официальной праздничной культуры (возложение цветов к могилам воинов и памятникам воинской славы, приуроченное ко дню празднования Победы 9 мая и другим памятным дням).

В советские годы посещение танка во время свадебной прогулки сопровождалось ритуальным возложением цветов — дань благодарности павшим воинам. Ср.: *И я уверена в том, что не всегда это было, ну так, знаете, лишь бы для отпуски, лишь бы танк или куда-нибудь такое... Нет! Было ещё, было эмоциональное чувство. Сразу после войны у людей зародилась эта традиция: ну, знаете, поблагодарить просто за то, что я жив. За то, что вот этот красивый праздник получился, что моя невеста такая красивая, что не... что мы... что называется... что родители живы... Понимаете? Вот, вот просто! Я не верю в то, что только, э-э-э... как это называется? По пьяной традиции. Было и это чувство тоже. Я уверена в этом. <...> Это были места, где решалась и моя судьба. Я, правда, об этом не знала, но и моя судьба там решалась. И это люди — те, которые приехали, — они все-таки это еще осознавали (ЭН 11–02).*

В 1990-е — 2000-е гг. обрядовые действия вокруг памятника «Танк Т-34» трансформируются. На смену возложению цветов приходят новые: ритуал «прощания» невесты с девичьей фамилией (невеста пишет на листе свою фамилию, жених закупоривает это «послание» в бутылку из-под шампанского и бросает в реку) и повязывание вокруг танковой пушки разноцветных лент (см. фото 2). Последняя из названных (традиция украшать пушку шёлковой лентой), по свидетельству нарвитян, зарождается уже в 1990-е гг. и получает широкое распространение в 2000-е гг.

Лента издавна являлась обязательным атрибутом свадебной обрядности: лентами украшались санные «поезда» во время катаний-смотрин невест, которые устраивали в городах купцы на масленичной неделе (Жирнова 1980: 32); ленты использовали на девичнике в украшении символического свадебного деревца («красоты») (Жирнова 1980: 45; Тимофеева 2004: 93–94), лентами украшались в купеческом «постельном поезде» с приданым живая индюшка и огромная голова сахара (Жирнова 1980: 46), которой угощали гостей в «визитную неделю» (Жирнова 1980: 61), лентами украшался во время венчания — к выходу молодых из церкви — свадебный поезд (Жирнова 1980: 53).

Фото 2

Памятник «Боевой танк Т-34», украшенный свадебными лентами  
(источник фото: [www.stena.ee](http://www.stena.ee))



Новая «мода» повязывать ленты вокруг пушки широко обсуждается горожанами. В местной прессе появляются попытки объяснить символическое значение повязывания ленты вокруг боевой пушки танка: лента трактуется как «символ надежды на создание крепкой, как броня, семьи» (Бессонов 2010). Однако многие горожане считают это действие с памятником воинской славы неуместным и вандалистским. Распространяется слух о запрете повязывания ленточек вокруг пушки. Ср. Инф.: *Ну, так как там же запретили сейчас ведь вешать же на само это дуло эти полоса..., ну, ленточки-то, да.* Соб: *Их запретили? Я не знала об этом.* Инф.: *Я так понимаю, что да, потому что не вешали. Потому что сказали, что уже нельзя. Их же уже и снимали все, эти ленточки же* (ЭН 14–01). Слух о запрете повязывания ленты вокруг пушки танка не имеет под собой реальных оснований и является проявлением городского социального контроля.

В 2000-е гг. меняется не только репертуар ритуалов, но и стиль фотографий у боевого танка, фотографии приобретают постановочный иронический характер: молодожён (супруг) или свидетель нередко на фотографии вступает во «взаимодействие с памятником» (обхватывает боевую пушку руками).



Мемориал «Танк Т-34» любим горожанами и в течение почти полувека удерживает свои позиции в каноническом свадебном маршруте. Объяснить это можно тем, что мы имеем дело не с братским захоронением, а памятником-свидетелем событий Второй мировой войны, символизирующим воинскую силу, доблесть, славу боевого оружия, охрану мирного существования нарвитян. Этот памятник оказывается более органичным в праздничной культуре и игровом свадебном действе, чем мемориалы-захоронения, которые вызывают ассоциации со смертью и навевают грустные мысли. В то же время посещение памятника, связанного с событиями Второй мировой войны, оказывается важным для современного нарвитянина, поскольку представление о роли русского народа в истории Второй мировой войны, по-видимому, является частью национально-культурного самосознания русского человека и частью гражданской идентичности россиянина (по сведениям Нарвского городского департамента развития и экономики, в 2016 г. 36% городского населения имело гражданство Российской Федерации, 14% — лица без гражданства (*Narva arvudes 2016*)).

Значение этого памятника в городском сознании становится очевидным во время предвыборной кампании в местные органы власти. Он оказывается своего рода «разменной монетой» в манипулировании мнением горожан. В предвыборной кампании в местные органы власти в 2017 г. члены союза некоммерческих организаций «Патриот» напоминали своим избирателям о том, что именно они «поставили себе цель восстановить дорогие нашим сердцам памятники» и «сделали это» (*Манифест 2017*: 11). Другие — в агитационных листовках, порочащих конкурентов, взывая к патриотическим чувствам нарвитян, писали о том, что кандидаты в депутаты выступали за снос танка. Важно, что и те и другие, играя на чувствах избирателя, использовали именно этот объект городского пространства, что неслучайно: мемориал «Танк Т-34» — индикатор и локальной, и национально-культурной идентичности нарвитянина.

## ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. № 11. 2010. С. 275—419; Белкин Т. Д. Воспоминания // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. 2012. URL: <http://iremember.ru/memoirs/tankisti/belkin-timofey-diomidovich/>; Бессонов О. Танк одинокий? // Нарвская газета. 15.10.2010; Вандалы осквернили памятник в Нарве // Нарвская газета. 5.10.2010; Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания // ПостНаука. 15.10.2012; Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980; Как теперь выглядит наш знаменитый танк // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/kak-teper-vyglyadit-nash-znamenityj-tank> Проверено: 15.07.2014; Калита С. Функционирование военно-исторических памятников в

современном пространстве и их воздействие на социум (культурологический аспект) // Аналитика культурологии. 2015. № 1 (31). С. 96—102; **Кривошеев Е., Михайлов К.** Нарва. Путеводитель. Таллинн, 1972; **Лурье В. Ф.** Памятник в городе: ритуально-мифологический аспект // Современный городской фольклор. Сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 420—429; **Манифест** избирательного союза «Патриот» // Нарвский рабочий. 13.10.2017. № 27. С. 11; **Монумент** Танк Т-34 // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/monument-tank-t-34> Проверено: 15.07.2014; Как **неравнодушные** жители Ида-Вирумаа памятник отреставрировали // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/kak-neravnodushnye-zhiteli-ida-virumaa-pamyatnik-otrestavrirovali> Проверено: 15.07.2014; **Петров Л.** Почтим павших и живых // Нарвский рабочий. 25.07.1970. № 87 (3982). С. 3; **Ростовская Н. А.** Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период // Известия Пензенского государственного педагогического университета: Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27. С. 950—953; **Тимофеева Л. В.** Традиции и новации в русском свадебном обряде. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. М., 2004; **Ходорченкова О.** Памятник у переправы // Нарвский рабочий. 9.05.1970. № 54 (3949). С. 1; **Энтузиасты** реставрировали «Танк» // Город. Нарвский еженедельник. 2014. 9—15 мая. № 19 (504). С. 26; **Narva arvudes** 2016. Narva: Narva Linna Arenduse ja Ökonoomika Amet. URL: [http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva\\_arvudes/page:3295](http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295)

## СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИНТЕРВЬЮ

ЭН 11–02, 2011, Narva — интервью с женщиной; около 50 лет; с высшим образованием, являющейся библиотекарем, преподавателем, экскурсоводом; в Нарве проживающей с 1980 г.

ЭН 14–01, 2014, Narva — интервью с женщиной, 1987 г.р.; со средним специальным образованием, родившейся в Нарве.

## 6. Выводы

Подводя итоги рассмотрения исследовательской традиции, посвящённой локальным текстам городов постсоветского пространства, можно наметить комплекс актуальных проблем, которые мы видим в изучении локального текста и составлении его словаря.

Во-первых, проблемы связаны с методикой собирания материала и реконструкции локального текста. Анализ опыта реконструкции и составления словарей локальных текстов Омска и Могилёва-Подольского выявляет проблему соотношения субъективности и объективности в подходе исследователя к объекту изучения. С одной стороны, очевидны в этой связи преимущества стороннего наблюдателя, на позициях которого находились собиратели словаря локального текста Могилёва-Подольского. Не будучи представителями местного городского сообщества, они могли максимально отстраниться от материала и продемонстрировать объективный научный подход к объекту анализа. Однако это не означает, что позиция включенного наблюдателя (которую занимали собиратели мифологии Омска) невозможна в изучении



локального текста. Будучи членом городского сообщества и носителем локального текста, при условии сохранения объективного научного подхода, исследователь может вычленил в материале актуальное и неактуальное, т. н. исследовательское чутьё подсказывает в каждой ситуации верное решение, правильное «прочтение» тех или иных собранных данных.

Во-вторых, привлечение для реконструкции городского самосознания нового круга источников (например, материалы избирательной компании в органы местного самоуправления, материалы социальных сетей, письма горожан с жизнеописаниями и рассказами о городе, разнообразные единицы городского языкового ландшафта) дополняют арсенал методов изучения локального текста новым инструментарием (прежде всего психолингвистическими методиками исследования восприятия и воздействия текста).

В-третьих, очевидно, что структура локального текста еще не до конца осмыслена в исследовательской традиции, поэтому актуальны и дискуссии о способах её репрезентации в словаре. С одной стороны, тематический принцип деления и представления материала в пяти (или большем / меньшем числе) разделов поможет ориентироваться читателю в словарном издании. С другой стороны, немаловажным оказывается и принцип доминантности / периферийности описываемого в словарной статье объекта в структуре самого локального текста. Решением может стать представление внутри тематического раздела словарных статей не в алфавитном порядке, а иерархическом (от центральных объектов к периферийным).

В-четвёртых, изучение локального текста и его представление в печатном публичном слове, связано и с определенными этическими вопросами. Нам сложно прогнозировать возможное влияние популяризации знаний о локальном тексте или деконструкции городского мифа на городское сообщество и его идентичность.

### Список литературы

*Абашев, В.* Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. Абашев. — Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. — 404 с. — URL: [http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga\\_1.pdf](http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf). — (8.12.2017).

*Алексеевский, М.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Штетл, XXI век : Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — С. 179—208.

*Алексеевский, М.* Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 419—442. — URL: [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08\\_12\\_alekseevsky\\_et\\_al\\_k.pdf](http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf). — (17.10.2017).

*Алексеевский, М.* Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2009. — № 11. — С. 275—312. — URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11\\_06\\_alekseevsky\\_lurie\\_senkina.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf). — (18.10.2017).

*Алексеевский, М.* Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста (окончание) / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 375—420. — URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12\\_alekseevsky\\_lurie\\_senkina.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12_alekseevsky_lurie_senkina.pdf). — (18.10.2017).

*Ахметова, М. В., Лурье, М. Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. / М. В. Ахметова, М. Л. Лурье // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>. — (17.10.2017).

*Бурдые, П.* Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 288 с.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашеев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 672 с.

*Груздов, Е.* «Хождение в народ»—2: из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» / Е. Груздов, А. Свешников // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 74. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/gr26.html>. — (18.10.2017).

Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 9—12 сентября 2014 г. / под ред. П. В. Алексеева. — Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2014. — 337 с.

Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26—29 сентября 2016 г. / под ред. П. В. Алексеева: в 2-х т. — Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2016. — Т. 1. — 272 с.; Т. 2. — 303 с.

Исследования города // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 9—201. — URL: [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12\\_forum.pdf](http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf). — (18.10.2017).

*Линч, К.* Образ города / К. Линч; пер. с англ. В. Л. Глазычева. — Москва: Стройиздат, 1982. — 328 с.

*Лотман, Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Учёные записки Тартуского государственного университета. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Вып. 664. — С. 30—45. — (Труды по знаковым системам : Семиотика города и городской культуры. Т. 18).

*Милюгина, Е. Г.* Текст пространства : фрагменты словаря «Русская провинция» / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2012. — № 2. — С. 42—60.

*Мицц, З. Г.* «Петербургский текст» и русский символизм / З. Г. Мицц // *Её же.* Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. — Кн. 3. Поэтика русского символизма. — С. 103—115.

Пространственность развития и метафизика Саратова / под ред. Т. П. Фокиной. — Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. — 140 с.

Словарь мифологии Омска: открытая группа // ВКонтакте [Электронный ресурс]. — URL: <http://vk.com/club16422680>. — (18.10.2017).

*Тименчик, Р. Д.* Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века / Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». — Тарту : Тартуский государственный университет, 1975. — С. 129—135.

*Топоров, В. Н.* Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров // *Его же.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — С. 259—367.

*Nõmm, J., Burdakova, O.* Materials for the “Dictionary of the Local Text of Narva City” / J. Nõmm, O. Burdakova (в печати).